

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3944721>
УДК 81(811)

Бурдина Е.А.

Бурдина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия. 117418, Россия, г. Москва, Новочеремушкинская ул., 69. E-mail: burdinaele@yandex.ru.

Фактор военного времени в поэтическом языке И.А. Бродского

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексических единиц, репрезентирующих лексико-семантическое поле и ассоциативно-семантическое поле «Война» в поэтических текстах И.А. Бродского. Подобный анализ характеризует темпоральный фрагмент концептуальной и языковой картины мира поэта, совмещающийся с концепцией трансформации «конкретного» в «философское» в представлении автора поэтических произведений. В ходе работы определяются и сопоставляются лексемы с темпоральной семантикой, в том числе временной семой, находящейся на периферии семантической структуры лексемы. Компонентный анализ текстов И.А. Бродского позволяет детальнее изучить идиостиль писателя и его эстетические взгляды.

Ключевые слова: семантика, темпоральность, лексема, поэтический текст, И.А. Бродский, лексико-семантическое поле, ассоциативно-семантическое поле, потенциальная сема, война.

Burdina E.A.

Burdina Elena Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice. 117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya st., 69. E-mail: burdinaele@yandex.ru.

The wartime factor in the poetic language of Joseph Brodsky

Abstract. The article is devoted to the study of lexical units representing the lexical-semantic field and the associative-semantic field «War» in the poetic texts of Joseph Brodsky. Such analysis characterizes the temporal fragment of the conceptual and linguistic picture of the poet's world, combined with the concept of the transformation of the «concrete» into the «philosophical» in the view of the author of poetic works. In the course of the work, tokens are determined and compared with temporal semantics, including the temporary seme located on the periphery of the semantic structure of the lexeme. Component analysis of Joseph Brodsky's texts allows to study the writer's idiosyncrasy and his aesthetic views in more detail.

Key words: semantics, temporality, lexeme, poetic text, Joseph Brodsky, lexical-semantic field, associative-semantic field, potential sema, war.

У Черчилль вспоминал в своих мемуарах, что, когда президент Рузвельт публично просил внести предложения относительно названия, которое должно быть присвоено военному конфликту середины века, он тотчас же предложил свое: «Ненужная война». «Она разрушила хрупкий мир.

Несмотря на победу правого дела, мы все еще не обрели мира и безопасности и нам грозят опасности, большие чем те, которые мы преодолели. В этом высшая точка трагедии человечества», – пишет премьер-министр [15, с. 8]. События Второй мировой войны неуклонно отдаляются от нас во времени, но эта трагическая стра-

ница жизни человечества всё также актуальна как для истории, так и для литературы. Военную тематику мы находим даже в творчестве поэта, чей жанровый спектр, по мнению литературоведов, не содержит военную лирику [10]. Это продолжатель традиций Ахматовой и Одена, создатель нового поэтического мышления, нобелевский лауреат, получивший премию за «развитие и модернизацию классических форм», яркий представитель третьей волны эмиграции И.А. Бродский.

Война коснулась семьи поэта: отец воевал, освобождал от блокады Ленинград, мать была переводчиком в лагере немецких военнопленных. Несмотря на то, что военные годы – это исключительно детские воспоминания, поэт нередко обращается к ним в беседах и своих публицистических произведениях. Так, в «Диалогах...» С. Волкова он делится воспоминаниями о блокаде и эвакуации в Череповец. В эссе «Полторы комнаты» поэт говорит о Преображенском храме, в подвалах которого находилось бомбоубежище, и о том, как мать прятала его во время воздушных налётов в большом ящике для поминальных записок; «Меньше единицы» содержит описание эпизода, связанного с возвращением из эвакуации в Ленинград в 1945 году: увечный старик на деревянной ноге пытается влезть в вагон, но его сталкивают, льют кипяток на голову. Военным и послевоенным воспоминаниям посвящено эссе «Трофейное». Публицистика Бродского насыщена яркими деталями, рисующими военное и послевоенное время, образами, способными составить основу не только публицистического произведения, но и романа.

Военная тема упоминается во многих поэтических текстах Бродского и связана преимущественно с образом Империи. Непосредственно Вторая мировая война, фронтовая тематика и атрибутика не представлены так широко, как концепты, связанные с восприятием времени, пространства, языка, однако нельзя утверждать, что она является менее важной

составляющей картины мира поэта. Поэтические произведения Бродского глубоко философичны и дуалистичны, они рисуют власть природы и потому призрачность, иллюзорность, катастрофичность человеческого бытия («человек есть испытатель боли»). Изображая трагедийную модель мироздания, он при этом углублен в собственный мир, поэтому любое конкретное событие в жизни, в том числе связанное с войной, предельно обобщается и становится великолепным поводом для размышлений о бытии, Боге и т.д.

Наиболее частотный мотив поэзии Бродского – сходство мира, человека как части этого мира и языка. Язык – идеальная, гармоничная модель мира, и человек живет внутри нее, являясь языковой личностью, поэтому лирический герой – «человек словесности», а все его жизненные перипетии – «словесный материал». Именно лексическая репрезентация темы Второй мировой войны в поэзии Бродского является тем «словесным материалом», который позволяет составить фрагмент картины мира писателя, связанный с гражданскими мотивами его творчества.

В лирике Бродского фактор военного времени представлен лексемами, входящими как в лексико-семантическое поле (в дальнейшем ЛСП), так и в ассоциативно-семантическое поле (в дальнейшем АСП) «Война». Так, ЛСП «Война» содержит непосредственно лексему «война», а также производные от неё (*военный, воевать, воин*) и лексемы, связанные с реалиями военного времени и потому входящие в тематическую парадигму «Война»: *бой* – 2) столкновение враждебных армий, отрядов, воинских частей и т.п.; *битва, сражение* (12, т. 1, с. 537); *атака* – стремительное наступление и нападение на неприятеля с целью овладения занятыми им позициями, вообще для нанесения ему решительного удара (12, т. 1, с. 213); *пуля* – снаряд для стрельбы из ручного огнестрельного оружия или пулемёта, составляющее головную часть боевого патрона (12, т. 11, с. 1680); *пехота*

– один из основных родов войск, действующих в пешем строю (12, т. 9, с. 1124); *маршал* – воинское звание, персонально присваиваемое Президиумом Верховного Совета СССР выдающимся лицам высшего командного состава; лицо, имеющее это звание (12, т. 6, с. 650): *И вечный бой. Атаки на рассвете. И пули, разучившиеся петь, кричали нам, что есть ещё Бес-смертье... А мы хотели просто уцелеть («И вечный бой...»); ...У истории русской страницы хватит для тех, кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы... <...> Маршал! Поглотит алчная Лета эти слова и твои прахоря (На смерть Жукова).* Все перечисленные лексемы зафиксированы в «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова в словарной статье «Война» [2].

В поэтическом тексте такие лексемы могут приобретать потенциальную сему, выдвигающуюся на первый план: *Пограничной водой наливается куст, и трава прикордонная жжётся. И боится солдат святотатственных чувств, и поэт этих чувств бережётся.* («Пограничной водой наливается куст...»). Заслуживающим внимания нам кажется употребление в пределах этого поэтического контекста лексем *солдат* и *поэт*. Такая параллель, бесспорно, не является новой. В 1929 году в статье «Наше отношение» В. Маяковский заявляет: «к сделанному литературному произведению отношусь как к оружию» [8, с. 38]. И.П. Смирнов отмечает, что «метафора «слово-оружие» была общим местом раннеавангардистской поэзии» [13, с. 184] Слово, уподобленное оружию, имеет архаичную традицию. А.Ю. Морыганов, анализируя литературную ситуацию первого постреволюционного десятилетия, выделяет две «культурные парадигмы», эксплицирующие эту традицию: «праязыковые дали»: «образ, выражение, изображение проистекают от РАЗИТИ» и отечественную гражданскую поэзию, «бич сатиры», которой «неизменно сопутствует «бранная» символика» [9, с. 141]. Однако такое употребление характерно в большей степени для поэтики В.В. Маяковского в тесной

связи его творчества с политической идеологией (вспомним известную цитату, ставшую крылатым выражением советского времени: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»). Для Бродского такое употребление маргинально, в своём творчестве он старался избегать стереотипов. Кроме того, при наличии гражданственных мотивов в его отдельных произведениях (в частности стихах, посвящённых войне) его поэзия аполитична. Показательны в этом плане воспоминания известного литератора Михаила Рувимовича Хейфеца: «Удивительно, что при этом Бродский вовсе не старался быть актуальным, откликающимся на то или иное событие, которое волновало его сверстников (включая процессы 60-х годов или ввод войск в Чехословакию), не пробовал казнить власти Ювеналовым бичом и глаголом жечь... Помню, мы встретились с ним году в шестьдесят втором на Д-65 (круглосуточном телеграфе в центре Ленинграда) и пошли вместе прогуляться по ночному Невскому – было часа два ночи. Я спросил, почему он не пишет стихов о политике, он ответил: «Зачем? Советская власть – мелкий факт в мировой истории, а меня интересуют коренные вещи». В сущности, это совпадало с недавно высказанной им позицией: «Я никогда ничего не писал «анти», как никогда не писал «за»». Видимо, он искренен в своем отрицании политики, как предмета собственной музыки, хотя это – искренность самообмана» [14].

Широко известен афоризм Уистана Хью Одена: «Poetry makes nothing happen» (в дословном переводе Льва Лосева: «Поэзия последствий не имеет», «Ничего в результате поэзии не происходит», даже просто «Ничего поэзия не делает!»). Уже после Второй мировой войны Оден говорил, что все стихи в мире не спасли от газовой камеры хотя бы одного еврея. Бродский не настаивает на общественной полезности или гуманитарной миссии поэзии, но указывает на ее другую функцию – спасение душевного здоровья [6, с. 9-10]. Скорее, параллель солдат – поэт является не отождествлением,

а своеобразным противопоставлением сложившемуся архетипу и приобретает ироническую коннотацию.

Другим интересным употреблением в рамках рассматриваемого контекста является, на наш взгляд, сочетание *свято-татственные чувства* (*Святотатство* – перен. Оскорбление чего-либо очень дорогого, глубоко чтимого [12, т. 13, с. 473]). Можно лишь предполагать, какой семантикой наделяется понятие *свято-татственных чувств*: «предательство» или, напротив, «патриотизм» – и то и другое может обостряться близостью государственной границы. Известно, что Бродский, приписывая слову сакральную силу, остерегался высокого слога в стихах (вспомним Тютчевское *Мысль изреченная есть ложь*). Каждодневное упоминание таких высоких чувств в языке СМИ советского времени превратило их в штамп новояза, произошла своеобразная десемантизация этих лексем, однако, если отбросить предположение об их иронической окраске в этом контексте, употребление подобных слов, несмотря на их полярность, могло быть проявлением скрытого истинного патриотизма (ср. с мыслью Л.Н. Толстого «Скрытая теплота патриотизма») – предписанный и навязывающийся идеологией патриотизм мгновенно становится фальшивым.

Особое восприятие Бродским слова приводит к тому, что, часто говоря о сокровенном или великом, он как бы скрывался за маской сниженной лексики. Это мы видим и в его известном стихотворении «На смерть Жукова»: *Маршал! Поглотит алчная Лета эти слова и твои прахоря*. В одном ряду с устаревшим и высоким словом *алчная* употребляется жаргонная лексема *прахоря* – сапоги [1].

Аллюзия на «Снигирь» Г. Державина – «На смерть Жукова» вызывает многочисленные трактовки в литературоведческой среде. Так, В.П. Скобелев видит в этом произведении пародическое использование стихотворения Г. Державина [11]; М. Лотман недоумевает по поводу замысла Бродского и видит имперскую образность, «где всё несуразно, разно-

стильно, одновременно» [7]; С. Волков в «Диалогах с Бродским» также называет это стихотворение государственным, имперским, при этом сам поэт не противоречит ему, меняя, правда, отрицательную окраску таких определений на положительную, снова, однако, в рамках явного иронического контекста: «Между прочим, в данном случае определение «государственное» мне даже нравится. Вообще-то, я считаю, что это стихотворение в свое время должны были напечатать в газете «Правда»» [3, с. 92–93]. О. Глазунова говорит о продолжении в этом произведении литературных традиций и употребляет эпитет «имперский» как синоним к «патриотический» [4]. Мы не ставим своей задачей вступать в подобную дискуссию, однако хотим заметить, что аполитичность поэта не может исключать существования у него гражданской позиции и патриотизма («скрытой теплоты патриотизма») [3, с. 93]. Это произведение интересует нас в рамках заявленной темы исследования прежде всего с точки зрения употребления лексических средств, семантически связанных с фактором военного времени, которыми оно изобилует. Это и лексемы и сочетания, входящие в тематическую парадигму «Война» (*лафет, военный, регалли, воин, меч, манёвр, солдатский, воевать, бой, пехотный строй, маршал, спасший родину*), и связанные с военной тематикой на уровне ассоциаций, например, антропонимы военных (*Ганнибал, Велитарий, Помпей*), с которыми соотносится образ Жукова [5, с. 224].

Таким образом, как видим, другой реализацией темы Второй мировой войны в поэзии Бродского является употребление лексем, входящих в ассоциативно-семантическое поле «Война». При индивидуальном восприятии субъекта временные ассоциации могут быть вызваны в его сознании любыми понятиями и представлениями.

Так, основываясь на проанализированных поэтических текстах Бродского, мы выделили следующие АСП.

Антропонимическое АСП, связанное с антропонимами, вошедшими в историю. Это имена выдающихся исторических личностей (монархов, полководцев, государственных деятелей, бунтарей), писателей, людей искусства, ученых, чье творчество и деятельность связаны с конкретным временным периодом. *К правому делу Жуков десницы больше уже не приложит в бою. <...> ...блеском манёвра о Ганнибале напоминавший средь волжских степей. Кончивший дни свои глухо, в опале, как Велизарий или Помпей.* (На смерть Жукова).

Топонимическое АСП, основанное на связи с топонимами и их дериватами, вошедшими в историю и указывающими на различные явления, которые вызывают в сознании цепь, ведущую к временным ассоциациям (*И вы, герои Ханко, ничего не потеряли: метеопрогнозы твердят о постоянстве H₂O, затмившем человеческие слёзы* (Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко); герои Ханко → здесь воины, защищавшие советскую военно-морскую базу на п/о Ханко → сражение Второй мировой войны → велось 164 дня, 22.06.1941 – 2.12.1941. Этот пример героической борьбы позабыт: фонтан не работает, человеческие слёзы скорби высохли, остались только слёзы природы (*Что позабудет сделать человек, то наверстает за него природа*).

Равнодушие современной, «невоенной» жизни показано через использование *АСП*, связанных с урбанонимами (названиями внутригородских объектов): *Лишь изредка несущийся куда-то шикарный «бьюик» фарамы обдаст фигуру Неизвестного Солдата* («Осенний вечер в скромном городке...»). Лексемы *несущийся* и *шикарный* олицетворяют стремящуюся в лучшее будущее жизнь, монумент – как обрывок воспоминания о прошлом. По воссозданию временной картины такие временные ассоциации можно назвать разновременными, связанными с употреблением в одном контексте имен, явлений, событий, относя-

щихся к различным временным промежуткам.

Локально-темпоральное АСП, связанное с пространственно-временными ассоциациями. Прежде всего имеется в виду неразрывное смысловое единство пространственных и временных значений в тексте. Часто этот синкретизм находит свое выражение в отношении *конкретное время – конкретное пространство*: *День назывался «первым сентября».* *Детишки шли, поскольку – осень, в школу.* *А немцы открывали полосатый шлагбаум поляков* (1 сентября 1939 года). Время предельно конкретно – дата, конкретность пространства опосредована: ряд лексем *немцы – шлагбаум – поляки* указывает на локальную точку – граница Польши. В этом случае на локальное АСП наслаивается событийное, основанное на восприятии исторически значимых событий. Под событиями мы понимаем как сам факт, так и следствие, им вызванное. По воссозданию временной картины такие временные ассоциации можно назвать одновременными, подразумевающими употребление в одном контексте лексем, выражающих реалии, существовавшие, произошедшие или совершенные в пределах определенного временного промежутка. При этом в контексте происходит наслаивание семантических пластов в их антонимичности «мирное» – «военное»: «детишки» – «немцы», «школа» – «война».

В поэзии, где наложение смыслов проявляется очень ярко и глубоко, в большинстве случаев трудно провести четкую грань между перечисленными АСП. Чаще встречается их совмещение в пределах поэтического контекста, которое можно назвать комбинированное АСП. Например: *Над холодной водой автоматчик притих, и душа не кричит во весь голос. Лишь во славу бессилия этих двоих завывает осенняя голость. Да в тени междуцарствий елозят кусты и в соседнюю рвутся державу. И с полей мазовецких журавли темноты непрерывно летят на Варшаву* («Пограничной водой наливается куст...») = темпоральное

АСП (*осенняя* – время начала войны 1 сентября) + локальное АСП (*междуцарствия, соседняя держава*) + событийное АСП (*мазовецкие поля* – в Польше за первую неделю боёв немецкие войска в нескольких местах рассекают польский фронт и занимают часть Мазовии) + топонимическое АСП (*Варшава* – к 9 сентября немцам удаётся сломить польское сопротивление по всей линии фронта и подойти к Варшаве).

Или: *Я есть антифашист и антифауст*. (Два часа в резервуаре) = тематическое АСП (антифашист) + можно предположить, локальное (антифауст – немецкая литература). Из сопоставления «антифашист» и «антифауст» следует «фашист» = «Фауст»; но такое равенство, скорее, основано даже не на сходстве философий, а на немецком происхождении этих двух реалий).

Пожалуй, самую яркую трансформацию конкретного в философское находим в произведении «Шествие»: *Кошмар столетья – ядерный грибок, Но мы привыкли к топоту сапог, Привыкли к ограниченной еде <...> Твердили генералов имена, И модно хаки в наши времена, Всегда и терпеливы и скромны, Мы жили от войны и до войны, От маленькой войны и до большой, Мы все в крови – своей или чужой*. Такой образ создаётся посредством самых разнообразных лексических средств: эксплицитного употребления родовой семы (*война*), лексем, входящих в ЛСП «Война» (*генерал; хаки* – материя или одежда такого цвета (обычно у военных) [12, т. 17, с. 11]), в АСП (*сапоги, ограниченная еда, ядерный грибок, кровь* – возможные ассоциативные реалии войны). И всё это даётся в определённых хронологических пределах – нашего столетия, что может указывать на все военные конфликты XX века, в том числе и Вторую мировую войну.

В других случаях поэт обращается к образности перифраза (*городок, из которого смерть расплзлась по школьной карте* – Мюнхен (здесь мы видим вторичную, имплицитную (опосредованную) ассоциацию – только через указание города, в котором было создано произведение – Мюнхен, город, в котором была создана нацистская партия); *конец войны – это на тонкой спинке венского стула платье одной блондинки...* («В городке, из которого смерть расплзлась по школьной карте...»)) или аллюзиям: по мнению исследователей, в произведении «Одиссей Телемаку» Троянская война и победившие в ней греки – это намёк на II Мировую и русских, а «Письмо генералу Z» заимствовано у А. Сент-Экзюпери («Письмо генералу X»).

Однако взросление и становление поэта приходится на послевоенные годы («Мы произросли из послевоенного щебня...» – пишет он в эссе «Меньше единицы»), которые в его поэтических произведениях нередко отождествляются, с одной стороны, с миром и продолжением жизни (*Войны окончены. Подрастает поколение...* (Книга)), с другой же, автор посредством создания окказионализмов подчёркивает, что с окончанием войны время не сразу становится мирным: *...покуда утомительно шумит на улицах мой век полувоенный* («Приходит март. Я сызнава служу...»); *...среди худой полувесны протарахтят полуботинки по лестнице полувойны* (Три главы).

Таким образом, можно утверждать, что фактор военного времени может находить довольно яркое воплощение на лексическом уровне поэтического текста, а лингвистический анализ текстов поэтических произведений помогает приблизиться к пониманию идиостиля писателя и авторской картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдаев Д. и др. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы, М., 1992. 525 с.

2. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка // Русский тезаурус. URL: <http://www.thesaurus1.narod.ru/22.htm#263>
3. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
4. Глазунова О. Стихотворение Бродского «На смерть Жукова»: к вопросу о гражданской позиции автора // Нева. 2005. №5. С. 237-247.
5. Каломиров А. Иосиф Бродский (Место) // Поэтика Бродского. Сб. статей под ред. Л.В. Лосева. Эрмитаж, Тенали, 1986. С. 219-229.
6. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 447 с.
7. Лотман М. «На смерть Жукова» (1974) // Как работает стихотворение Бродского: Сборник статей под ред. Л. Лосева, В. Полухиной. М: Новое Литературное Обозрение, 2002. 64-77.
8. Маяковский В.В. Собрание сочинений. В 12-ти тт. Т. 12. М.: Правда, 1978. 335 с.
9. Морыганов А.Ю. «Слово» и «оружие» в поэзии 1920-х годов. (К понятию стилиевой рефлексии) // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Иваново, 1998. С. 138-158.
10. Николаев С.О силе, движущей вечным пером. К 60-летию со дня рождения Иосифа Бродского // Научный журнал. 2011. № 6. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1579&level1=main&level2=articles>
11. Скобелев В.П. «На смерть Жукова» И. Бродского и «Снигирь» Г. Державина (К изучению поэтики пародического использования) // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарный выпуск. 1999. № 1 (11). С. 94-100.
12. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М.–Л.: Изд-во АН СССР 1950-1965.
13. Смирнов И.П. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. 351 с.
14. Хейфец М.Р. Иосиф Бродский и наше поколение. // Epoch Times Россия. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/41418/9/>
15. Черчилль У. Вторая мировая война. В 6-ти тт. Т. 1. М.: ТЕППА; Книжная лавка – РТР, 1997. 336 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baldaev D. i dr. Slovar' tjuremno-lagerno-blatnogo zhargona: Rechevoj i graficheskij portret sovetskoj tjur'my, M., 1992. 525 s.
2. Baranov O.S. Ideograficheskij slovar' russkogo jazyka // Russkij tezaurus. URL: <http://www.thesaurus1.narod.ru/22.htm#263>
3. Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskim. M.: Jeksmo, 2007. 640 s.
4. Glazunova O. Stihotvorenije Brodskogo «Na smert' Zhukova»: k voprosu o grazhdanskoj pozicii avtora // Neva. 2005. №5. S. 237-247.
5. Kalomirov A. Iosif Brodskij (Mesto) // Pojetika Brodskogo. Sb. statej pod red. L.V. Loseva. Jermitezah, Tenafli, 1986. S. 219-229.
6. Losev L.V. Iosif Brodskij: Opyt literaturnoj biografii. M.: Molodaja gvardija, 2006. 447 s.
7. Lotman M. «Na smert' Zhukova» (1974) // Kak rabotaet stihotvorenije Brodskogo: Sbornik statej pod red. L. Loseva, V. Poluhinoj. M: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2002. 64-77.
8. Majakovskij V.V. Sobraenie sochinenij. V 12-ti tt. T. 12. M.: Pravda, 1978. 335 s.
9. Moryganov A.Ju. «Slovo» i «oruzhie» v poezii 1920-h godov. (K ponjatiju stilevoj refleksii) // Voprosy ontologicheskoi pojetiki. Potaennaja literatura. Ivanovo, 1998. S. 138-158.
10. Nikolaev S.O sile, dvizhushhej vechnym perom. K 60-letiju so dnja rozhdenija Iosifa Brodskogo // Nauchnyj zhurnal. 2011. № 6. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1579&level1=main&level2=articles>
11. Skobelev V.P. «Na smert' Zhukova» I. Brodskogo i «Snigir'» G. Derzhavina (K izucheniju pojetiki parodicheskogo ispol'zovanija) // Vestnik Samarskogo gos. un-ta. Gumanitarnyj vypusk. 1999. № 1 (11). S. 94-100.
12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. V 17-ti tt. M.–L.: Izd-vo AN SSSR 1950-1965.

-
13. Smirnov I.P. Psihodiahronologika: Psihoistorija ruskoj literatury ot romantizma do nashih dnei. M., 1994. 351 s.
 14. Hejfec M.R. Iosif Brodskij i nashe pokolenie. // Epoch Times Rossija. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/41418/9/>
 15. Chercill' U. Vtoraja mirovaja vojna. V 6-ti tt. T. 1. M.: TERRA; Knizhnaja lavka – RTR, 1997. 336 s.

Поступила в редакцию 19.06.2020.

Принята к публикации 23.06.2020.

Для цитирования:

Бурдина Е.А. Фактор военного времени в поэтическом языке И.А. Бродского // Гуманитарный научный вестник. 2020. №6. С. 186-193. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Burdina.pdf>